

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ / CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

Редактор рубрики *И. Р. Бегишев* / Rubric editor *I. R. Begishev*

Научная статья

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.453-468>

УДК 328.185:343.352:343.9

А. Г. Горшенков¹,
Г. Г. Горшенков¹,
Г. Н. Горшенков²

¹ Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Нижний Новгород, Россия

² Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Информационное сопровождение противодействия коррупции

Горшенков Андрей Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия
E-mail: updprap@gmail.com
eLIBRARY SPIN-код: 6884-2848

Горшенков Геннадий Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права, Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия
E-mail: upprap@yandex.ru
eLIBRARY SPIN-код: 2430-3338

Контактное лицо:

Горшенков Геннадий Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
E-mail: upik-unn@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0314-2488>
eLIBRARY SPIN-код: 3717-9260

Аннотация

Цель: систематизация знаний об информационно-криминологических возможностях механизма правового регулирования в сфере противодействия коррупции, а также выработка предложений по оптимизации его правовых средств.

Методы: комплекс методов научного познания, включающих универсальные и формально-логические методы, прежде всего формально-юридический, моделирование, идеализация; ретроспективный подход в изучении становления и развития взаимосвязанных криминологического и политического научных направлений, благодаря которым стала возможной результативность настоящего исследования. В качестве основного научного инструмента использован аналитический метод.

Результаты: проработан определенный круг признаков, характеризующих систему противодействия коррупции и информационный спектр ее инфраструктуры, относящийся к трем основным видам деятельности: криминологической, политической, управленческой. Часть данных признаков, характеризующих очертания складывающегося понятия «сопровождение» в рассматриваемой системе функционирования, концептуализирована и в определенной мере категоризирована. Это, в свою очередь, позволило определить контуры формируемой системы инструментальных знаний, оптимизирующих реализацию принципа научности в политическом управлении противокоррупционной системы.

Научная новизна: изложена идея концептуального оформления научных положений относительно информационного сопровождения противодействия коррупции, механизм которого еще не сложился. В этом отношении видятся перспективными идеи в технологической области управленческой системы противодействия коррупции. В частности, идеи внедрения в систему таких правовых механизмов, как криминологический мониторинг, криминологическая экспертиза, разновидность которой реализована в антикоррупционной экспертизе. Новизна разработки также состоит в дополнительном предмете исследования, в качестве которого выступают еще и специальные меры предупредительного воздействия на коррупционные правонарушения, исследуемые на предмет их результативности и обеспечения криминологической безопасности.

Практическая значимость: выработанные в настоящем исследовании теоретические положения призваны сформировать в профессиональном правосознании научный, криминологический критицизм в подходе к принятию решений, выбору и реализации средств и технологий их применения в сфере противодействия коррупции.

Ключевые слова:

уголовное право и криминология, информационное сопровождение, криминологическая информация, криминологический критицизм, криминологический мониторинг, криминологическая экспертиза

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Горшенков, А. Г., Горшенков, Г. Г., Горшенков, Г. Н. (2024). Информационное сопровождение противодействия коррупции. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(2), 453–468. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.453-468>

Scientific article

A. G. Gorshenkov¹,
G. G. Gorshenkov¹,
G. N. Gorshenkov²

¹ Volga region branch of the Russian State University of Justice, Nizhny Novgorod, Russia

² Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

Information support for corruption counteraction

Andrey G. Gorshenkov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor,
Department of Criminal Law, Volga region branch of the Russian State University of Justice
E-mail: updprap@gmail.com
eLIBRARY SPIN-код: 6884-2848

Gennadiy G. Gorshenkov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor,
Department of Criminal and Procedural Law, Volga region branch of the Russian State University of Justice

Contact:

Gennady N. Gorshenkov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky

E-mail: upik-unn@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0314-2488>

eLIBRARY SPIN-code: 3717-9260

Abstract

Objective: to systematize knowledge about the information and criminological implications of the legal regulation in combating corruption and to develop proposals for the optimization of its legal means.

Methods: a set of scientific cognition methods, including universal and formal-logical methods, primarily formal-legal, modeling, and idealization; a retrospective approach to studying the formation and development of interrelated criminological and political scientific trends, which facilitated the obtaining of this study results. The main scientific tool used was the analytical method.

Results: a range of attributes was developed which characterizes the anti-corruption system and the information spectrum of its infrastructure related to three main types of activities: criminological, political, and managerial. Some of these attributes, which characterize the outlines of the emerging “support” concept in the considered system of functioning, were conceptualized and to a certain extent categorized. This, in turn, allowed defining the contours of the emerging system of instrumental knowledge that optimizes the scientific principle implementation in the political management of the anti-corruption system.

Scientific novelty: the article presents the idea of conceptualizing scientific provisions regarding the information support of anti-corruption efforts, the mechanism of which has not established yet. In this regard, the authors considers the concepts in the technological area of the anti-corruption management system to be promising. Among them is the idea to introduce such legal mechanisms as criminological monitoring and criminological expertise, a type of which is implemented in the anti-corruption expertise. The article novelty also consists in an additional area of research, which is special preventive for corruption offenses, studied for their effectiveness and ability to ensure criminological security.

Practical significance: the theoretical provisions developed in this study are designed to form scientific and criminological criticism in the professional legal consciousness, aimed at decision-making, selecting and implementing means and application technologies in the field of combating corruption.

Keywords:

criminal law and criminology, information support, criminological information, criminological criticism, criminological monitoring, criminological expertise

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Gorshenkov, A. G., Gorshenkov, G. G., & Gorshenkov, G. N. (2024). Information support for corruption counteraction. *Russian Journal of Economics and Law*, 18(2), 453–468. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.2.453-468>

Введение

Постановка проблемы. Прежде всего дадим небольшое, но важное пояснение. Слово «сопровождение», взятое в качестве термина, имеет в данном контексте значение «производить одновременно», т. е. *помогать, содействовать* (а не просто «следовать вместе»)¹. Имеется в виду *единство* двух видов деятельности – *информационной и противокоррупционной*. Причем это двуединство подразумевает теоретическую модель, или условный образ определенной реальности, а именно той субстанции, которая воплощена в коррупцию, т. е. представляющую так называемое фоновое явление преступности², а также и саму преступность.

А теперь обратим взгляд в прошлое, в котором зарождалось *новое эмпирическое направление* в юридическом учении о преступлении (в собирательном значении этого слова), направленном на изучение *преступления* (но уже не как умозрительной категории, а отображения реальной действительности) и *преступника*, а также *причинности* преступления, его жертвы и *мер* предупреждения. В отличие от умозрительного чувственное позна-

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. (1997). Толковый словарь русского языка (4-е изд., доп., с. 748). Москва: Азбуковник.

² Кулаков, А. В., Путько, А. М. (2016). Определение и содержание понятия «фоновые явления преступности». Вестник Самарского юридического института, 1(19), 30–35. <https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-i-soderzhanie-ponyatiya-fonovyye-yavleniya-prestupnosti/viewer>

ние выстраивает лишь поверхностный «образ конкретного предмета, на который направлена деятельность»³, что дает возможность определить соответствующие, общего характера меры воздействия на данный объект.

В этом новом, эмпирическом, направлении получили преимущественное развитие две тесно взаимосвязанные друг с другом отрасли научного знания: *криминология* и *уголовная политика*. Безусловно, двуединство политики и управления носит условный характер, ибо находится в неразрывной связи с уголовным правом – в его прежнем, историческом расширенном смысле; ныне это блок уголовно-правовых наук.

Анализируя состояние дел в борьбе с преступностью, в частности, опираясь на уголовно-правовую статистику, Ф. Лист пришел к выводу о том, что «действующее наше уголовное право бессильно в отношении преступности» (Лист, 2004. С. 24). И этот бесспорный для ученого факт он объяснял тем, что *уголовное право заключает в себе лишь правовую оценку и соответствующее наказание*.

Между тем борьба с преступностью должна заключаться преимущественно в другом – предупреждении преступлений, что требует знаний об их причинах и, что немаловажно, о результатах применения наказания. А это под силу уголовной политике как системе руководящих идей (принципов) борьбы с преступностью, опирающейся на научные исследования, *во-первых*, причинности преступности, *во-вторых*, результативности (эффективности – неэффективности) наказания. И, только сообразуясь с криминологическими знаниями, государство становится способным вести борьбу с преступностью с помощью как наказания, так и других схожих с ним средств (Лист, 2004. С. 7).

Идеи зарубежных основоположников криминологии и уголовной политики (Ч. Беккариа, Д. Говарда, П. Фейербаха, Э. Генке, Ф. Листа и др.) получили развитие в трудах С. К. Гогеля⁴, основателя российской уголовной политики, причем как *научной*, так и *учебной* дисциплины. Функциональность уголовной политики (которая, по убеждению ученого, вместе с криминологией составляла новую, в отличие от уголовного права, науку) Гогель рассматривал в двух частях: в первой – *преступность* и ее причинность; во второй – репрессивные и превентивные *меры* борьбы с преступностью (вспомним Ф. Листа). И свое сочинение (учебный курс уголовной политики) он структурировал соответствующим образом, т. е. выделял главы: *первую* – о факторах преступности, где акцентировал внимание на факторах *индивидуальных* и *внешних*; *вторую* – о мерах борьбы с преступностью, также подразделяя их на *меры репрессивные* (связанные с наказанием и «схожими с ним средствами») и *меры превентивные*, не связанные с наказанием (Гогель, 1910. С. 3).

Время подтвердило правоту научной мысли и потребность практики в необходимости совершенствования методов противодействия преступности, которая постоянно модифицируется в условиях интенсивного развития общества, его коренных изменений в экономической, политической, культурологической, правовой, наконец, и иных сферах. Закономерно возникают конфликты интересов и отношений, в которых преступность трансформируется в более опасное социальное явление, например, в экономической сфере, где активно используются современная компьютерная техника и новейшие средства коммуникации, в частности электронно-цифровые сервисы, с помощью которых проводятся сложнейшие операции по сбору хранению и передаче информации.

В этих условиях обостряется проблема (качественного) контроля, но не столько над (коррупционной) преступностью, сколько наблюдения прежде всего за управленческой системой противодействия коррупции в целях оптимизации ее функционирования. А преступность и в целом криминальная ситуация рассматриваются и подлежат наблюдению «всего лишь» как объект управленческого воздействия. В процессе такого контроля измеряются достигнутые результаты, которые соотносятся с ожидаемыми результатами, а затем на основе полученных данных оптимизируются управленческие решения⁵.

Необходимость проведения исследования. Обозначенная ситуация ориентирует исследователей на приоритет эмпирической информации в общем обороте знаний, происходящем в означенной системе качественного контроля. И закономерно то, что проблема криминологическо-политического сопровождения уголовно-правового противодействия преступности постоянно находилась и находится в числе приоритетных научных разработок и управленческой практики. Заметный вклад в процесс этого теоретико-прикладного поиска был

³ Чувственное познание. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике (сводный). <http://med.niv.ru/doc/dictionary/psychology-and-pedagogy/fc/slovar-215-3.htm#zag-19557>

⁴ Гогель Сергей Константинович. <https://bioslovhist.spbu.ru/person/179-gogel-sergey-konstantinovich.html>

⁵ Семенов, А. К., Набоков, В. И. (сост.) (2002). Терминология менеджмента: словарь (с. 9). Москва: Маркетинг.

привнесен, в частности, учеными Академии МВД СССР профессорами Г. А. Аванесовым⁶ и Г. М. Миньковским⁷ – маститыми учеными в области искусства управления противодействием преступности. При этом проф. Г. А. Аванесов трудился в особенности над разработкой прикладного аспекта криминологической (криминологическо-управленческой) деятельности, а проф. Г. М. Миньковский акцентировал внимание на уголовной политике, причем обращался к разработке в большей мере возможностей ее реализации, нежели теоретических положений (Устинов, 2003).

Сегодня этот комплексный подход к систематизации знаний о преступности и мерах противодействия, особенно специальными средствами, следует рассматривать как научное направление. Преимущественно в нем получают развитие криминологические и уголовно-политические знания, которые, однако, органически связаны с потребностями других научных дисциплин и практик уголовно-правового блока. Очевидно, данное обстоятельство подвигло разработчиков паспорта научной специальности «5.1.4. Уголовно-правовые науки» выделить в криминологии политическую функцию – «стратегию применения специальных мер» (т. е. уголовно-правовых, уголовно-процессуальных уголовно-исполнительных, криминалистических и др.) в целях выявления, раскрытия преступлений, расследования уголовных дел и предупреждения преступлений⁸.

Греческое слово «стратегия» переводится как «искусство полководца», но со временем оно утвердилось и даже расширилось в его значении в гражданском лексиконе. «Стратегия» ныне определяется, во-первых, как общий, т. е. недетализированный план, охватывающий длительный период времени выполнения определенной коллективной деятельности; во-вторых, как способ эффективного использования разносторонних возможностей, ресурсов в достижении основной, или стратегической, цели посредством последовательного решения тактических задач⁹.

Пример тому может являть «Национальная стратегия противодействия коррупции» (утверждена Указом Президента РФ от 13 апреля 2010 г. № 460), которой отведена организационно-управленческая роль в государственной деятельности по искоренению причин и условий, порождающих коррупцию в российском обществе. Именно в этом заключается политическая цель Стратегии. Достижение ее предполагается путем решения комплекса указанных в документе задач, в том числе систематизации «хаотичного конгломерата знаний», т. е. приведении их к «системной организации», в основе которой лежит научно проработанная информация. Именно в ней заложена энергетическая основа управления противодействием коррупции.

И проблема заключается в том, чтобы раскрыть сущность и содержание криминологическо-политического механизма, обеспечивающего эту самую энергетическую основу. Решить эту задачу представляется возможным с помощью аналитического подхода.

Методы исследования. Аналитический, т. е. связанный с анализом, но не сводимый к анализу – «элементарному» выделению и изучению отдельных элементов исследуемого предмета¹⁰. В данном случае наличествует системный анализ, суть которого заключается в рассмотрении объекта исследования как системы, т. е. совокупности взаимодействующих элементов и связей, которые во взаимодействии образуют органическое целое. Исследовательский процесс заключается в том, чтобы путем выделения в познаваемой системе тех самых субстанциональных элементов, получения знаний об их свойствах с последующей систематизацией этих знаний устанавливать интегративные, или присущие системе в целом, свойства, но не присущие ни одному из исследованных элементов в отдельности¹¹ (явление синергетического эффекта).

Исследователь, владеющий аналитическим методом, точнее мышлением, последовательно анализирует, т. е. разделяет целостную совокупность на отдельные элементы, с тем чтобы рассмотреть их причинно-след-

⁶ Аванесов, Г. А. (1975). Криминология. Прогностика. Управление: учебное пособие. Горький; Его же. (1980). Криминология и социальная профилактика. Москва: Изд-во Академии МВД СССР; и др.

⁷ Миньковский, Г. М. (1984). Проблемы охраны правопорядка и борьба с правонарушениями. Москва; Его же. (1984). Профилактика правонарушений среди молодежи; Его же. (1985). О задачах и направлениях теоретического решения проблем советской уголовной политики. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета; и др.

⁸ Область науки. URL: <https://skspba.ru/wp-content/uploads/2021/09/Проект-паспорта-научной-специальности-5.1.4.-Уголовно-правовые-науки.pdf>

⁹ Стратегия. Академик.ру. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/15227>

¹⁰ Толковый словарь Ушакова онлайн. <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=600>

¹¹ Система и ее свойства. https://studbooks.net/1521278/menedzhment/cistema_svoystva#:~:text=Интегративными%20называются%20свойства%2C%20присущие%20системе,есть%20просто%20сумма%20его%20регионов

ственные связи и использовать знания о них для принятия управленческих решений¹², которые симметричны (применительно к нашему контенту) относительно противодействию коррупции и самой (уголовно-правовой, прежде всего криминологической) науке.

Аналитический подход образно можно сравнить с такой же, но уже научной (криминолого-политической) стратегией, направленной на исследование системного объекта и получающей обратную информацию – о состоянии объекта – системы противодействия коррупции и его реакции на управляющее воздействие. Реализуется данная стратегия, разумеется, путем решения «тактических» методов, или формально-логических приемов – анализа, синтеза, сравнения, индукции, дедукции и др.

Столь сложный механизм исследования информационного сопровождения во многом обусловлен сложностью научного оборота, или циркуляции научной информации и знаний, которая происходит: а) в сфере получения и обработки научных (криминолого-политических) знаний; б) в сфере внедрения этих знаний в противокоррупционную деятельность; в) в сфере обратной связи или получения и оценки информации о внедренных научных рекомендациях; г) в сфере криминологического прогнозирования и управленческого программирования/планирования противокоррупционной деятельности.

В качестве существенных элементов предмета настоящего исследования были выделены: «информационное сопровождение», «криминологическая информация», «противодействие коррупции», «продуктивность информационного сопровождения».

Результаты исследования

Информационное сопровождение, как уже упоминалось, есть взаимодействие двух видов деятельности – информационной и противокоррупционной.

Информационная деятельность в данном контексте определяется как вид преимущественно криминологической деятельности. Его сущность обусловлена поиском, обработкой, передачей и последующим использованием **криминологической информации**¹³, т. е. определяемой параметрами коррупционной проблематики сведений (сообщений, данных): о коррупционной преступности (ее состоянии и причинности), в целом коррупционной ситуации (совокупности обстоятельств, создающих коррупционные (возникающие ввиду коррупции) отношения, или мерах противодействия коррупции, а также других сведений, имеющих значение для противодействия коррупции). То есть под криминологической информацией подразумевается вся сообщающая информация, получаемая и используемая системой противодействия коррупции.

Функциональность данной информации заключается (по А. Э. Жалинскому и М. В. Костицкому) в том, что она является своего рода ресурсом политико-управленческой деятельности, основой политического обеспечения деятельности преимущественно по профилактике и предупреждению преступлений (Жалинский, Костицкий, 1980).

Криминологическая информация может быть ведущим элементом или средством предупредительного воздействия, методом убеждения в различных формах его реализации, например, в таких видах криминологического информирования, как: *официальное* – представление, частное определение, официальное предостережение и другие виды информации и *неофициальное* – выступление в прессе, доверительная беседа, научные рекомендации, информирование организаций о нормативно-правовом обеспечении противодействия коррупции и ответственности за совершение коррупционных правонарушений¹⁴ и др.

В условно дифференцированной криминологической, или коррупционной (связанной, соотносящейся со словом «коррупция»), информации можно выделить две существенные составляющие: сведения о причинности коррупционной преступности и сведения о мерах противодействия ей.

Вторая ветвь деятельного единства, *противокоррупционная деятельность* представляется нами как *политико-управленческая деятельность*, в основу которой положены в значительной степени криминологические

¹² Аналитическое мышление. Словарь компетенций. https://vk.com/doc19771814_543933840?hash=MJhR0YzNXVxoe3zZ5wdnAhONj0ZTLIdlOEd41krB3TT&dl=b5h2Vyou9x1OSEyjF5iJpVCyTEeM6akl70z0k1z7Zc0

¹³ Криминологическая информация. (2015). В кн. Е. О. Алуханов. Криминология. Москва: Юридический центр.

¹⁴ Методические рекомендации по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции. (2013, 12 ноября). Гарант.ру. <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70399600/>

(далее будем подразумевать *коррупционную окраску* этого термина) знания; в особенности востребованные политической целесообразностью знания *о мерах* предупредительного воздействия на коррупцию.

Противокоррупционная деятельность выступает, образно говоря, *соединительным звеном* между субъектом и объектом воздействия. В *этом звене* заключается «регулирующее воздействие государства на общественные процессы, сознание, поведение и деятельность людей, направленное на достижение определенных социально значимых целей в сфере противодействия коррупции»¹⁵.

Однако обратим внимание на другую, невидимую «сторону Луны», а именно *обратную связь* регулирующего воздействия, т. е. процесс получения «ответной» информации: *от объекта – к субъекту*. Благодаря полученным сведениям можно рассмотреть те изменения в объекте, которые коррелируются с действиями определенных противокоррупционных мер, что может в лучшем случае означать продвижение к поставленной цели.

Обратная связь инициирует в системе противодействия коррупции два процесса – *положительный* и *отрицательный*: в случае, когда результаты антикоррупционного воздействия усиливают этот процесс, обратная связь имеет положительный характер, и наоборот, когда результаты ослабляют его (например, вызывая большие затраты), тогда обратная связь несет в себе отрицательное качество. Таким образом, на основе получаемой информации о ходе и результате управленческого процесса вырабатывается соответствующее решение¹⁶.

Изложенное позволяет сделать, в частности, следующие умозаключения о потребности в криминологической информации:

а) о самом *субъекте* противодействия, обращая внимание на вопросы организации, регулирования, программирования, реализации мероприятий и др.;

б) *объекте* противодействия: изучении и оценке состояния, динамики, трендов коррупции, коррупционных факторов и т. п.;

в) *методе*, или совокупности способов, отдельных действий (операций), одной из основных функций которых являются ожидаемые изменения объекта, т. е. минимизация потенциала (уровня) коррупции как системной угрозы национальной безопасности российского государства.

Итак, *противокоррупционная деятельность* условно выделена в предмете исследовательского внимания как один из элементов *системы противодействия коррупции*, или механизм, через который осуществляется обмен энергией, в том числе и информационной, между субъектом и объектом.

Понятие «*противодействие коррупции*», как известно специалистам, остается недостаточно проработанным. В Федеральном законе от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»¹⁷ дается его определение, но оно представляется недостаточно корректным, хотя в нем можно рассмотреть основные ключевые смыслы: *профилактику*; *предупреждение* преступлений; *реагирование* на преступления. *Профилактика* не связана с преступлениями; она представляет собой деятельность, направленную на сохранение или создание таких условий, в которых проявления коррупции маловероятны, а в лучшем случае исключены. *Предупреждение* – это деятельность, направленная на конкретное коррупционное преступление, а именно *предотвращение* (на стадии его приготовления) и *пресечение* (на стадии покушения). *Реагирование* есть реакция на совершенное, или оконченное, преступление, т. е. выявление, раскрытие и расследование коррупционных правонарушений, а также минимизация, ликвидация причиненных ими последствий.

При этом профилактика в большинстве своем носит криминологический характер (*криминологическая профилактика*), а предупреждение – оперативно-разыскной, уголовно-процессуальный, уголовно-исполнительный. Сложный характер носит деятельность, связанная с минимизацией последствий преступлений, в частности именуемая *пробацией*, или коррекцией поведения лиц, осужденных за преступление, в том числе путем ресоциализации, социальной адаптации, реабилитации, защиты прав и законных интересов указанных лиц¹⁸.

¹⁵ Левакин, И. В., Охотский, Е. В., Охотский, И. Е., Шедий, М. В. (2024). Противодействие коррупции: учебник и практикум для вузов. Москва: Юрайт.

¹⁶ См.: Обратная связь. Большая советская энциклопедия (БЭС). <http://niv.ru/doc/encyclopedia/bse/articles/657/obratnaya-svyaz.htm>

¹⁷ О противодействии коррупции. № 273-ФЗ от 25.12.2008. (2008). КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/

¹⁸ О пробации в Российской Федерации. № 10-ФЗ от 06.02.2023. (2023, 9 февраля). Российская газета. <https://rg.ru/documents/2023/02/09/probacia.html>

Сам термин «противодействие» вызывает у некоторых авторов отрицательный настрой. По их убеждению, данный термин неудачный, поскольку якобы указывает на слабость государства, вынужденного сопротивляться криминалу, вместо того чтобы действовать наступательно, как того требует обстановка.

Например, читаем: «*Коррупция в нашей стране и в 2023 г. продолжает быть предметом ожесточенной борьбы со стороны государственных органов... Бескомпромиссная борьба...*»¹⁹

«Ожесточенная», «бескомпромиссная»... А как эту непримиримость соотнести с положениями, например, Уголовного кодекса РФ об освобождении от уголовной ответственности, в частности, за дачу взятки или Уголовно-процессуального кодекса РФ – о досудебном соглашении о сотрудничестве подозреваемого или обвиняемого со следствием? В подобных случаях узаконен *компромисс* между... правом и произволом.

Этому политизированному, «ожесточенному» подходу предпочтем научный, а именно *системно-синергетический* подход, который «открывает глаза» исследователю на подчиненность противоположностей известному методологическому закону (можно сослаться на третий закон Ньютона – закон действия и противодействия²⁰), понуждающему право и несправедливость постоянно находиться и в состоянии *борьбы* (как активном столкновении противоположных интересов, где каждая из сторон стремится получить превосходство²¹), и в то же время в состоянии (методологического) *единства*.

В результате возникают и соответствующие противоречивые отношения *взаимодействия* между *коррупционной* и *противокоррупционной* системами. Противоречивость заключается в том, что, с одной стороны, системы действуют одна *против* другой, т. е. коррупционная – против права, а противокоррупционная – против произвола; с другой стороны – системы проявляют взаимопонимание, которое ведет к компромиссу, сотрудничеству. При этом такого рода соглашения могут возникать как на *правовой* (например, на основе досудебного соглашения о сотрудничестве, согласно ст. 317³ УПК РФ), так и на *противоправной* (коррупционной) основе, что, разумеется, в правовом отношении недопустимо.

Методологический взгляд на взаимодействие²² как философскую категорию позволяет увидеть в этом сложном процессе воздействие названных систем друг на друга, изменяющее их, *взаимно обусловленное* и *порождающее одним другого*. Например, коррупция как *системная угроза* национальной безопасности порождает «ответное» или в лучшем случае *упреждающее* качество *системной защиты*.

И, что особенно важно уяснить, в противных действиях рассматриваемых систем реализуются две противоположные – *противопреступная* (противокоррупционная) и *преступная* (криминальная) – *политики*. Дело в том, что современная преступность в России представляет собой вовсе не то суммативное образование, которое показывает уголовная статистика, а являет собой реальную систему в виде одной из подструктур гражданского общества – криминального общества, в котором выделяется *политическая система* с властными структурами, осуществляющими политическую власть (Долгова, 2003. С. 373); система, прорабатывающая перспективные решения в обеспечении собственной безопасности, развитии криминального бизнеса и, что немаловажно, активно использующая коррупцию. По данным ученых, представители организованной преступности «выделяют на подкуп чиновников от 30 до 50 % преступно нажитых средств» (Мерзляков и др., 2016. С. 163), т. е. на поддержание тех самых «симпатических отношений» с правоприменителем (его продажной частью, например, «оборотнями в погонах»²³), истинная оценка которых дается по другим, уголовно-правовым критериям.

Нетрудно представить, насколько непростым является процесс изучения этого социально-правового феномена, чтобы регулярно обеспечивать необходимой информацией политико-управленческий механизм, ему противодействующий.

Таким образом, то «*технологическое*» (система приемов, умений, тонкости знания дела, хитрости и ловкости и т. п.), что видится в политике, может быть использовано как *во благо*, так и *во вред*, в частности, в криминальной политике. Политике, которая заключается не только в непосредственной *изошренности*

¹⁹ Крайне опасное зло. <https://петербургский-рубж.рф/articles/media/2023/10/27/krajne-opasnoe-zlo/>

²⁰ Ньютон, Исаак (1989). Математические начала натуральной философии. Москва: Наука.

²¹ Евгеньева, А. П. (ред.) (1999). Словарь русского языка: В 4 т. (4-е изд., стер.). Москва: Рус. яз.; Полиграфресурсы.

²² Фролов, И. Т. (ред.) (1991). Философский словарь (6-е изд., перераб. и доп., с. 64–65). Москва: Политиздат.

²³ Сенаторов, Ю. (2023, 11 декабря). Генералу подсчитали откаты. Коммерсантъ, 230/П, 4. https://www.kommersant.ru/doc/6394398?utm_source=newspaper&utm_medium=email&utm_campaign=newsletter

криминального мира, но и, например, в государственной *поддержке* нацизма, антисемитизма, экстремизма, использования преступных методов государственного принуждения. Все это наблюдается в современной политике США, реализуемой в отношении России с использованием передаточного западно(американско)-европейского механизма.

Однако вернемся к конкретной области предмета исследования и сформулируем определение этого сложного феномена – «противодействие коррупции».

Что касается формального определения понятия, то, не задаваясь целью создать нечто универсальное (а такое стремление наблюдается у многих теоретиков (Брызгунова, 2021. С. 163)) или элементарно «изобрести велосипед», заимствуем его у правоведов Ю. А. Воронина и А. В. Майорова (Воронин, Майоров, 2013. С. 14) с некоторыми нашими коррективами. Итак, *противодействие коррупции* может быть определено как *деятельность по воспрепятствованию возникновения условий, способствующих совершению преступлений; предотвращению и пресечению; выявлению, раскрытию, расследованию совершенных преступлений, а также реализации уголовной ответственности и минимизации причиненного вреда вплоть до его устранения.*

Эта чрезвычайно сложная система, естественно, должна функционировать конструктивно, а это требует в буквальном смысле всестороннего изучения, получения научно-эмпирических знаний о коррупционно-противокоррупционной системе, на основании которых вырабатываются взвешенные, т. е. научно обоснованные политико-управленческие решения. И здесь в нашем аналитическом мышлении высвечивается проблема качества информации и информационных технологий.

Продуктивность информационного сопровождения – так назовем исследуемую многоаспектную проблему. «Продуктивность» понимается нами как *свойство* информации качественно воздействовать на мероприятия (как совокупность усилий, или энергий, направленных на выполнение определенных задач) в области противодействия коррупции.

В данном свойстве выделяют два взаимодействующих вида энергии: а) *самой информации* как меры организованности системы противодействия относительно организованности системы-коррупции, а также среды функционирования²⁴; б) *механизма оперирования информацией*, т. е. получения, обработки, передачи информации.

Информация как *мера организованности* системы может состояться таковой только в том случае, когда она оказывает *преобладающее* воздействие на противоположную (противодействующую) систему коррупции, трансформируя подобное свойство (упорядоченности) в противоположное состояние – неупорядоченности, т. е. теряющего свойство организованности.

Возникает вопрос, а отчего зависит продуктивность информационной составляющей организованности системы? Ответ очевиден: *во-первых*, от достаточности и качества в нашем случае криминологической информации, «питающей» систему, обеспечивая целенаправленное взаимодействие ее элементов, функциональность которых направлена на самооценку, оценку объекта и проводимых в отношении него мероприятий, прогнозировании, программировании и т. п.; *во-вторых*, от качества инструментария и слаженности механизма использования информации.

Опуская непростой вопрос о требованиях, которые предъявляются к обеспечению продуктивности информационной составляющей (ввиду ограниченных возможностей объема изложения материала), тем не менее выделим главное из них – следование *принципу научности*, что означает подчиненность информационной составляющей соответствующим критериям, в частности истинности, обоснованности, логичности, системности, проверяемости.

Рассмотрим это «следование» на примере оценки ключевых элементов системы противодействия коррупции: *объекта, меры* (как средства) и *мероприятия* (как способа ее применения).

Итак, относительно *объекта* констатируем всем известную истину: коррупция как социально-правовое явление (в реальности) конструируется как *теоретическая* (в криминологии, коррупциологии) и *эмпирическая* (в законодательстве и правоприменительной практике) модели.

²⁴ Бондарев, В. П. (2003). Концепции современного языкознания: учебное пособие. Москва: Альфа-М.

Термином «коррупция» обычно принято обозначать *злоупотребление служебным положением в личных целях*. Например, авторы «Большого юридического словаря» формулируют такое понятие коррупции: «Общественно опасное явление в сфере политики или гос[ударственного] управления, выражающееся в умышленном использовании лицами, осуществляющими функции представителей власти, а также находящимися на *государственной службе*, своего служебного положения для противоправного получения... благ и преимуществ... а равно выражающееся в подкупе этих лиц»²⁵.

В данном определении, *во-первых*, указаны только две коррупциогенные сферы – политика и государственное управление. Почему-то социальная и экономическая сферы авторами игнорированы. *Во-вторых*, акцент сделан на должностных лицах. А это, можно сказать, лишь одна сторона ирреальной «позорной медали» за взяточничество.

Законодательное определение коррупции дано в Федеральном законе от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ст. 1): «Злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное **незаконное использование физическим лицом своего должностного положения** вопреки законным интересам общества и государства **в целях получения выгоды** в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц **либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами** (выделено нами. – *Авт.*).

Если прочесть выделенный фрагмент (не нарушающий смысла) текста, то обнаружим тот же самый акцент, сделанный на субъекте, *незаконно использующем служебное положение в целях получения выгоды*. Не беремся подсчитать предусмотренное в Уголовном кодексе РФ количество деяний, содержащих признак «использование своего служебного положения»²⁶ (ранее также обсуждалось в работах зарубежных классиков²⁷). То есть обнаруживаем явный перевес в коррупционных злодеяниях должностных лиц, заметим преимущественно *подкупаемых*, т. е. выступающих и в качестве жертвы взяточничества, к тому же публично осуждаемых.

Правоприменительный подход к определению коррупции уже в преступном деянии, именуемом преступлением коррупционной направленности. Генпрокуратура и МВД РФ утвердили количество таких преступлений в соответствующем документе, который известен как «Перечень № 23 преступлений коррупционной направленности», утвержденный упомянутыми федеральными ведомствами совместным указанием²⁸. Документ содержит 80 наименований преступлений коррупционной направленности. Примечательно то, что только 14 из них указаны как «безусловно относящиеся к коррупционным». Остальные зачислены в разряд условных, т. е. квалифицируемых по усмотрению лица, заполняющего статистическую карточку на совершенное преступление: если усмотрит это лицо в преступлении коррупционный признак, то сделает соответствующую отметку в карточке, и «преступление», хотя и условное, но «делает погоду» в уголовной статистике.

Что касается *мер* противодействия коррупции, то они должны определяться не только практической целесообразностью, но и научной обоснованностью. Игнорирование принципа научности может не только лишить результативности то или иное мероприятие, но и привести его «приятие» к нежелательным последствиям.

Рассмотрим такую меру по профилактике коррупции, которая предусмотрена Федеральным законом от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»²⁹, как «формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению» (ст. 6). Реализация этой меры оказалась в центре политики противодействия коррупции и сегодня приобрела чуть ли не стержневое значение. Например, одна из региональных программ противодействия коррупции, рассчитанная *на семь лет*, полностью посвящена формированию нетерпимости к коррупционному поведению.

²⁵ Сухарев, А. Я. (ред.) (2007). Большой юридический словарь (3-е изд., доп. и перераб.). Москва: ИНФРА-М.

²⁶ О противодействии коррупции. № 273-ФЗ от 25.12.2008. (2008). КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/

²⁷ Banfield, E. C. (1975). Corruption as a feature of governmental organization. *Journal of Law and Economics*, 18(3), 587–605; Nye, J. S. (1967). Corruption and political development: a cost-benefit analysis. *American Political Science Review*, 61(2), 417–427; Graeff, P. (2009). Social capital: the dark side. *Handbook of social capital*, 143–161.

²⁸ Указание Генпрокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24.01.2020 (ред. от 13.07.2020). (2020). КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_345696/1ff26a26ef4e0493e7fdd0c911461e97ca14695f/

²⁹ О противодействии коррупции. № 273-ФЗ от 25.12.2008. (2008). КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/

Представим, что разработчику программы, плана противодействия коррупции предложено включить в план именно такую меру. Разумеется, ему, руководствующемуся принципом научности, будет важно узнать, в частности: *во-первых*, что понимать под нетерпимостью, в чем заключается превентивный потенциал этого психологического феномена, в котором выражена явная категоричность; *во-вторых*, в отношении кого будет направлена эта мера: «коррупционное поведение» – весьма неопределенная категория...

Конечно, разработчик мог бы воспользоваться возможностями криминологической экспертизы, но такая существует у нас лишь в виде так называемой антикоррупционной экспертизы. Статус ее отнесен к правовой экспертизе, которая сводится к узкой деятельности «специалистов (экспертов) по выявлению и описанию коррупционных факторов, относящихся к правовым актам и их проектам; по разработке рекомендаций, направленных на устранение или ограничение действия таких факторов»⁵⁰. Другие, неправовые объекты, обладающие возможной криминогенностью (коррупциогенностью), для исследования не предусмотрены, вроде как лишённые практической целесообразности.

Но такая целесообразность очевидна. Например, в данном случае экспертам можно было бы предложить дать ответ на такие вопросы:

1. Что означает «коррупционное поведение»?
2. В чем заключается сущность «нетерпимости»?
3. На чье сознание ориентировано информационное воздействие в целях формирования в нем нетерпимости?
4. Возможны ли какие-то негативные последствия информационного воздействия?

В теоретическом плане **коррупционное поведение** обычно понимается как разновидность правового поведения, упрощенно сводимое к правомерному и противоправному видам. Но «правовое поведение нельзя сводить к такой упрощенной схеме, предполагающей противопоставление правомерного и противоправного поведения (иногда выделяют еще нейтральное по отношению к праву поведение), – пишет проф. Д. А. Пашенцев. – Поведение человека в обществе далеко не всегда укладывается в такие рамки, оно имеет множество граней, каждая из которых может быть истолкована неоднозначно и контекстуально» (Пашенцев, 2022. С. 25).

«Поведение» означает вести себя (хорошо, плохо или нейтрально) по отношению к чему-, кому-либо, в том числе и к коррупции, например, с позиции: *социологической* (усматривая в ней социальное явление), *политической* (рассматривая коррупцию как метод борьбы за публичную власть), *экономической* (используя коррупцию как метод борьбы за экономические преимущества), *юридической* (оценивая коррупционный метод построения отношений как уголовно наказуемый) и некоторых иных (Ивентьев, 2019. С. 211–212).

В числе «некоторых других» возьмем отношения с духовно-нравственной позиции. И первое, что заявляет о себе, – это наблюдаемое у людей «привычное» отношение к коррупции. Можно было бы сказать «терпимое», что предполагает определенное психологическое усилие над собой, умение терпеливо относиться к чьему-то мнению, поведению. Но дело в том, что «привычное» не требует от субъекта таких усилий. Привычка притупляет сознание, поскольку привычными действиями руководят чувства, эмоции, которые как бы «перехватывают» усилия мозговых центров, и практически командуют физиологические энергии (Сюзеева, 2014).

Например, исследователь К. С. Романова констатирует распространенное убеждение в том, что люди, которые еще даже не сталкивались с коррупцией в реальной жизни, однако, уже относятся к ней не только лояльно, но под влиянием окружения, в котором выражена коррупционная направленность сознания, считают коррупцию также приемлемой для своего поведения (Романова, 2019). То есть *среда проявляет силу регулирующего воздействия на социальные отношения* (Каменский, 2014). Кстати, здесь уместно вспомнить теорию подражания Г. Тарда.

В практическом отношении преимущественно коррупционное мышление связывается с поведением коррупционера, т. е. должностного лица. Хотя такое представление выражает немалое количество авторов, явно не вникающих в суть излагаемого как «*всем известного*». Например, как показывают наши исследования, в местных средствах массовой информации (Нижегородской области) около 70 % публикаций о фактах взя-

⁵⁰ Бикмухаметов, А. Э., Газимзянов, Р. Р., Кабанов, П. А. и др. (2008). Коррупция и антикоррупционная политика: словарь-справочник. Москва: Медиа-Пресс, 2008. С. 10.

точничества привлекает внимание к взяточнику, а опрос населения показывает на высокий процент (до 80 % и выше) их убеждения в том, что органы исполнительной власти и правоохранительные органы власти так или иначе коррумпированы.

Сущность нетерпимости выясняем в тех сведениях, которые получаем из теоретического и эмпирического пространств. В одном из энциклопедических словарей «Основы духовной культуры» дано такое определение нетерпимости: «Отрицательное духовно-нравственное качество личности... Нетерпимость подталкивает к борьбе, к запрету, к ненависти. Это страсть, ибо эмоционально окрашена в сильные негативные чувства, источающие зло, агрессию, непримиримость»³¹.

В оценке российского философа и культуролога А. С. Ахиезера нетерпимость рассматривается как крайняя форма дискомфорта, которая в результате усердного формирования нетерпимости может перерасти, например, в массовые погромы (Ахиезер, 1990. С. 100) или массовые беспорядки (ст. 212 УК РФ).

К такому же выводу приходит российский исследователь, криминолог П. А. Кабанов, который находит данную правовую категорию коррупциогенным фактором и предлагает заменить на другой термин – «формирование антикоррупционного мировоззрения» (Кабанов, 2019. С. 1022). Но это далеко не равнозначная замена. Здесь уже необходимо видеть много большее, чем упрощенное «формирование нетерпимости», ибо «без идеологических установок: гражданственности, патриотизма, нравственности – формировать антикоррупционное мировоззрение проблематично» (Романова, 2019).

Профессиональный интерес возбуждает вопрос, **на чье сознание следует осуществлять адресное информационное воздействие** в целях его «переформатирования». Понятно, что адресат – это неопределенный круг лиц, или массовая аудитория, т. е. в нашем контексте это нравственно-правовое общественное сознание, которое проявляется в коррупционном поведении. Об этом мы упомянули выше, рассуждая о массовой лояльности к коррупции. На протяжении столетий складывались и ныне во многом движут людьми *отношения взаимодействия*, которые удовлетворяют *обоюдную заинтересованность и выгодность* для взаимодействующих сторон, каждая из которых получает то, что считает приемлемым (Михайлюк, 2015. С. 159). Особенно когда это происходит без какого-то значимого для их (юридического, тем более морального) осуждения.

В обыденном сознании людей (на это, в частности, указывают и наши исследования) коррупция воспринимается как привычное явление, т. е. определенный жизненный принцип («За все надо платить», «Не подмажешь – не поедешь»...): а) 10,5 % опрошенных считают, что этим руководствуется все население; б) 56 % думают, что данным принципом руководствуется большинство людей; в) 33 % полагают, что такое обыкновение присуще небольшой части людей.

Значительное число (62 %) опрошенных считают, что коррупция способствует повышению цен на товары, продукты, услуги; 43 % согласны с тем, что коррупция отягощает налоговое бремя. Однако наряду с этим только 18 % опрошенных указали, что ощущают вред, причиняемый коррупцией лично им.

При этом важно указать на чрезвычайно мощный *катализатор* такого взаимодействия, а именно феномен дискреционной (от французского *discretionnaire* – «зависящий от личного усмотрения») власти прерогативы на распределение несобственных средств по своему усмотрению. И правыми считают себя те, кто утверждает: *не будь такой власти, не было бы и коррупции* (Михайлюк, 2015. С. 157).

Теперь зададимся вопросом, в сознании каких именно взаимодействующих (дающих-берущих) субъектов можно рассчитывать на результативное формирование в нем нетерпимости к коррупционному поведению?

Полагаем, это, скорее, риторический вопрос. А вот другим вопросом – о сопутствующем результате, или **возможных негативных последствиях формирования нетерпимости**, – нужно задаться. Что такое «сопутствующий», или «побочный», результат, объяснять не надо. Такой результат возможен, например, в случае противокоррупционной пропаганды и агитации, когда неумелое информационное воздействие на общественное правосознание указанными методами приводит к нежелательным, или дисфункциональным (от лат. *dys* – «плохой, затрудненный» + *functio* – «действие, осуществление»), эффектам, или дисфункциям. Отец-основатель современной социологии Р. К. Мертон определял их как *латентные функции*.

³¹ Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). Академик.ру. https://spiritual_culture.academic.ru/1441/Нетерпимость

В криминологической теории массовых коммуникаций рассматриваются подобные, или латентные, функции, в числе которых: а) «эффект бумеранга», или получение результата, противоположного задуманному; б) «наркотизирующий эффект», или эффект «сенсорного ожирения», возникающий от *избыточной* информации, к которой попадает интерес, и она теряет актуальность; в) «эффект приватизации», когда, например, под влиянием потока информации в СМИ о фактах взяточничества у людей складывается осознание безысходности, порождается побуждение принимать («приватизировать») «правила игры».

Надо сказать, эти и другие негативные эффекты функций массовой коммуникации впервые исследовали английские ученые П. Лазарсфельд и Р. Мертон, в частности, ими был введен термин «наркотизирующий эффект» (Lazarsfeld & Merton, 1948).

Опять же наши исследования показывают, что формирование нетерпимости может привести к росту протестного настроения, в частности по отношению к органам власти (на такую вероятность указали 61 % опрошенных); по отношению к правоохранительным органам аналогичное мнение высказали 52 %.

Можно с большой уверенностью предположить, каким могло быть заключение эксперта-криминолога о столь политически популярной мере профилактики коррупции.

Итак, в завершение настоящих аналитических рассуждений представим следующие *основные умозаключения*.

Заключение

Информационное сопровождение противодействия коррупции, в сущности, есть циркулирование научно проработанной информации как в самой системе противодействия коррупции, так и в среде ее функционирования. Этот многосторонний процесс должен происходить, разумеется, не автоматически, а производиться *специальным, информационным механизмом*.

На сегодня этот механизм представляется гипотетическим ввиду очевидной его фрагментарности, т. е. наличия основных, или общих, функций – сбора, обработки, интерпретации информации, внедрения результатов – управленческой системы. Кстати, последнюю ученые оценивают труднейшей проблемой науки и практики и даже предлагают создать специальное управление по внедрению результатов исследований, причем эффективность такого управления прямо связывается с необходимой для этого оптимальной *системой информации*³². Мы же рассматриваем *систему информационного сопровождения*, которая призвана обеспечивать устойчивость, стабильность системы противодействия коррупции, ее бесперебойное функционирование и развитие в условиях воздействия различных препятствующих факторов как самой системы, так и окружающей среды.

Однако наличие общих функций еще не придает данному механизму, или системе, свойства целостности. Такое свойство возникает ввиду *энергетического эффекта*, или *слияния* функций данного (криминологического) механизма и основных функций системы противодействия коррупции. К последним мы относим (не вступая в дискуссию о классификации функций управления), в частности: *целеполагание; определение ситуации; определение проблемы; принятие управленческих решений; мотивацию; контроль*³³ и др. В этом многофункциональном взаимодействии особая роль принадлежит обеспечивательной информационной функции управления, аккумулирующей управленческую и криминологическую-политическую информацию.

Такого рода слияние, или эффект целостности, должно происходить в особенности на основе *принципа научности и технологического совершенствования*. *Принцип научности* (с его свойствами объективности, систематичности, проверяемости, предсказуемости, общезначимости и др.) как бы объединяет и «выравнивает» криминологическую-политическую научные знания с научностью управления (прочными знаниями, умелым применением объективных законов, в том числе действующих в управлении и др.)³⁴.

В плане *технологического совершенствования*, в частности, на наш взгляд, заслуживают изучения возможности использования в системе противодействия коррупции двух таких механизмов.

³² Аванесов, Г. А., Иншаков, С. М., Лебедев, Я., Эриашвили, Н. Д. (2006). Криминология: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция» (4-е изд., перераб. и доп., с. 166–167). Москва: ЮНИТИ-ДАНА.

³³ Классификация функций управления. Инфопаедия. <https://infopedia.su/17xaa6d.html>

³⁴ Принцип научности. <https://yandex.ru/search/?text=принцип+научности+в+управлении&lr=133420&clid=2289563&win=624>

1. *Криминологический мониторинг* как оперативная информационно-аналитическая система, обеспечивающая выявление тенденций (трендов) в наблюдаемом объекте (коррупционной преступности, ситуации, правоприменительной практике и т. п.) путем регулярных информационных замеров (путем статистических, социологических методов) и криминологической оценки состояния объекта по одним и тем же относительно устойчивым критериям.

Одним из методов мониторинга видится нам криминологическое прикладное исследование, которое имеет много общего с *социальным исследованием*. Именно с социальным, а не с *социологическим*, которое проводится ежегодно в соответствии с Национальным планом противодействия коррупции. Это далеко не простое и дорогостоящее исследование в целях оценки уровня коррупции в субъектах Российской Федерации. Анкета включает 47 вопросов, а в них 348 вариантов ответов, и работает с этой анкетой интервьюер⁵⁵.

Если *социологическое исследование* проводят социологи, профессионально подготовленные специалисты по сложной, специальной технологии, то *социальное исследование* проводится относительно упрощенно, например, без обязательной репрезентативной выборки, его проводят экономисты, юристы, менеджеры, журналисты, политологи и другие специалисты, т. е. не обязательно социологи⁵⁶. Проблематика не имеет строгих параметров, может носить междисциплинарный характер. Особенно это наблюдается при изучении так называемых фоновых явлений преступности (коррупции, пьянства, экстремизма, проституции и т. п.). Это важно, например, для политической оценки криминальной ситуации и определения перспективных направлений противодействия преступности в регионе, его муниципальных образованиях.

2. *Криминологическая экспертиза*, т. е. урегулированная нормами права экспертно-аналитическая деятельность, направленная на криминологическую диагностику и обнаружение деструктивных явлений и процессов в реализации *нормативных правовых актов*, регулирующих противодействие коррупции, закрепляющих политические решения, их проектов (что в основном сегодня выполняет антикоррупционная экспертиза); *специальных мер* предупредительного воздействия на коррупционные правонарушения в целях последующей криминологической корректировки политико-управленческой деятельности по разработке и реализации эффективных решений в реализации ресурсов противодействия преступности.

Список литературы

Ахиезер, А. С. (1998). *Россия: критика исторического опыта: (социокультурная динамика России) (т. 2. Теория и методология)*. Новосибирск: Сибирский хронограф.

Брызгунова, О. Ф. (2021). Противодействие коррупции: проблемы определения понятийного аппарата. *Молодой ученый*, 15(357), 163–165. <https://moluch.ru/archive/357/79951/>

Воронин, Ю. А., Майоров, А. В. (2013). Теоретические основы формирования системы противодействия преступности в России. *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права*, 1, 7–16.

Гогель, С. К. (1910). *Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией*. Санкт-Петербург: Юрид. кн. скл. «Право».

Долгова, А. И. (2003). *Преступность, ее организованность и криминальное общество*. Москва: Российская криминологическая ассоциация, 2003.

Жалинский, А. Э., Костицкий, А. В. (1980). *Эффективность профилактики преступлений и криминологическая информация*. Львов: Вища школа, изд-во при Львовском университете.

Ивентьев, С. И. (2019). Духовно-нравственный аспект коррупции. *Актуальные проблемы теории и практики противодействия коррупции: сборник материалов Международной научно-практической конференции*, 7 декабря 2018 г. Липецк: ООО «РИТМ».

Кабанов, П. А. (2019). Формирование нетерпимости к коррупционному поведению как юридическая неопределенная категория и ее содержание. *Актуальные проблемы экономики и права*, 13(1), 1007–1026. <https://doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.1.1007-1026>

Каменский, Е. Г. (2014). Коррупционная культура: теоретико-концептуальный конструкт. *Вестник Института социологии*, 4(11), <https://cyberleninka.ru/article/n/korruptsionnaya-kultura-teoretiko-kontseptualnyi-konstrukt/viewer>

Лист, Ф. (2004). *Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление* (сост. и предисл. В. С. Овчинского). Москва: ИНФРА-М.

⁵⁵ Постановление Правительства РФ № 662 от 25.05.2019. (2019). Гарант. <https://base.garant.ru/72255554/#friends>

⁵⁶ Социальные исследования. https://spravochnick.ru/sociologiya/socialnye_issledovaniya/#harakteristiki-socialnogo-issledovaniya

Мерзляков, С. Э., Волочкова, М. Е., Рожнов, С. Н. (2016). Коррупционная преступность в России и основные направления правовой борьбы с ней. *Вестник экономической безопасности*, 1, 161–177.

Михайлюк, В. А. (2015). Асоциальная ментальность общества как фактор развития феномена коррупции (социокультурный анализ). *Вестник АГУ*, 3(163), 155–160.

Пашенцев, Д. А. (2022). Правовое поведение в современном обществе: от классических традиций к цифровым новациям. В сб. Д. А. Пашенцев (ред.), *Правовое поведение: классические и современные модели: сборник научных трудов* (с. 24–26). Москва: Саратовский источник.

Романова, К. С. (2019). Коррупция и российская ментальность. *EESA Journal*. <https://eesa-journal.com/filosofskie-nauki/korruptsiya-i-rossijskaya-mentalnost/>

Сузева, Н. В. (2014). Формирование этического иммунитета как фактор борьбы с коррупцией. *Территория новых возможностей*. *Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса*, 1. <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-eticheskogo-immuniteta-kak-faktor-borby-s-korruptsией/viewer>

Устинов, В. С. (2003). О концепции уголовной политики как научно-учебной дисциплины. *Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского*, 2, 393–397. [http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99990195_West_pravo_2003_2\(7\)/B_3-27.pdf](http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99990195_West_pravo_2003_2(7)/B_3-27.pdf)

Lazarsfeld, P., & Merton, R. (1948). Mass Communication, popular taste and organized social action. In Bryson (Ed.), *The Communication of Ideas*. N. Y.: Harper and Brothers.

References

Akhiezer, A. S. (1998). *Russia: criticism of historical experience (sociocultural dynamics of Russia) (Vol. 2. Theory and methodology)*. Novosibirsk: Sibirskii khronograf. (In Russ.).

Bryzgunova, O. F. (2021). Counteracting corruption: issues of defining the conceptual framework. *Molodoi uchenyi*, 15(357), 163–165. (In Russ.). <https://moluch.ru/archive/357/79951/>

Dolgova, A. I. (2003). *Crime, its organization and criminal community*. Moscow: Rossiiskaya kriminologicheskaya assotsiatsiya. (In Russ.).

Gogel, S. K. (1910). *A course in criminal policy combined with criminal sociology*. Saint Petersburg: Yurid. kn. skl. "Pravo". (In Russ.).

Iventyev, S. I. (2019). Spiritual-moral aspect of corruption. In *Topical issues of theory and practice of corruption counteraction: collection of works of the International scientific-practical conference*, December 7, 2018. Lipetsk: ООО "RITM". (In Russ.).

Kabanov, P. A. (2019). Forming intolerance to corruption behavior as a judicially undefined legal category and its content. *Actual Problems of Economics and Law*, 13(1), 1007–1026. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.1.1007-1026>.

Kamensky, E. G. (2014). The Culture of Corruption: Theoretical Concept Construct. *Vestnik Instituta sotsiologii*, 4(11). <https://cyberleninka.ru/article/n/korruptsionnaya-kultura-teoretiko-kontseptualnyi-konstruktsiya/viewer>

Lazarsfeld, P., & Merton, R. (1948). Mass Communication, popular taste and organized social action. In Bryson (Ed.), *The Communication of Ideas*. N. Y.: Harper and Brothers.

List, F. (2004). *Tasks of criminal policy. Crime as a social-pathological phenomenon*. Moscow: INFRA-M. (In Russ.).

Merzlyakov, S. E., Volochkova, M. E., & Rozhnov, S. N. (2016). Corruption crime in Russia and the main directions of legal struggle against it. *Vestnik of Academy of economic security of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 1, 161–177. (In Russ.).

Mikhailyuk, V. A. (2015). Asocial mentality of a society as factor of development of a phenomenon of corruption (sociocultural analysis). *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3(163), 155–160. (In Russ.).

Pashentsev, D. A. (2022). Legal behavior in the modern society: from classical traditions to digital innovations. In D. A. Pashentsev (Ed.), *Legal behavior: classical and modern models: collection of scientific works* (pp. 24–26). Moscow: Saratovskii istochnik. (In Russ.).

Romanova, K. S. (2019, October 12). Corruption and the Russian mentality. *EESA Journal*. <https://eesa-journal.com/filosofskie-nauki/korruptsiya-i-rossijskaya-mentalnost/>

Suzeva, N. V. (2014). Forming an ethical immunity as a factor of corruption counteraction. *Territoriya novykh vozmozhnostei*. *Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa*, 1. (In Russ.). <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-eticheskogo-immuniteta-kak-faktor-borby-s-korruptsией/viewer>

Ustinov, V. S. (2003). On the concept of criminal policy as a scientific and academic discipline. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2, 393–397. (In Russ.). [http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99990195_West_pravo_2003_2\(7\)/B_3-27.pdf](http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99990195_West_pravo_2003_2(7)/B_3-27.pdf)

Voronin, Yu. A., & Majorov, A. V. (2013). Theoretical basis of crime counteraction system establishment in Russia. *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 1, 7–16. (In Russ.).

Zhalinskii, A. E., & Kostitskii, A. V. (1980). *Efficiency of crime prevention and criminological information*. Lviv: Vishcha shkola, izd-vo pri Lviv un-te. (In Russ.).

Вклад авторов

Горшенков Геннадий Николаевич является основным интегратором совместных усилий на всех этапах исследования и подготовки текста и преимущественным систематизатором информационного материала вводной части и выводов.

Горшенков Андрей Геннадьевич – преимущественный реализатор идей: а) проработки методики исследования, подготовки анкет, сбора информации; б) анализа и разработки положений зарубежных литературных источников исторического прошлого применительно к проблеме исследования; в) критического анализа мер противодействия коррупции; г) изучения возможностей оценки продуктивности информационного сопровождения.

Горшенков Геннадий Геннадьевич: а) анализ отечественных источников и отбор необходимой информации по проблематике исследования; б) в интерпретация материалов опроса; в) дифференцированный анализ видов противодействия коррупции и соответствующая специфика их информационного обеспечения; г) анализ феномена «коррупционное поведение» и целесообразности использования в антикоррупционной профилактике психологических средств негативного характера, особенно в воздействии на неопределенный круг лиц.

The author's contributions

Gennadiy N. Gorshenkov is the main integrator of joint efforts at all stages of research and text preparation and the primary systematizer of information in the introductory part and conclusions.

Andrey G. Gorshenkov is the primary implementer of the following: a) elaboration of the research methodology, preparation of questionnaires, collection of information; b) analysis and elaboration of the provisions of foreign literary sources of the historical past in relation to the research problem; c) critical analysis of anti-corruption measures; d) study of the possibilities to assess the information support productivity.

Gennadiy G. Gorshenkov: a) analysis of the Russian sources and selection of necessary information on the research problem; b) interpretation of survey materials; c) differentiated analysis of types of anti-corruption measures and the relevant specifics of their information support; d) analysis of the “corrupt behavior” phenomenon and the feasibility of using negative psychological means in anti-corruption prevention, especially in influencing an indeterminate number of persons.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Авторами не заявлен / No conflict of interest is declared by the authors

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 08.02.2024

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 12.05.2024

Дата принятия в печать / Accepted 20.05.2024